

Женя Голубенко

Марики

* * *

В «Жигулях» едут двое: молодой человек в очках с сильной диоптрией и девушка лет семнадцати. Он ей рассказывает: я кинорежиссер, приступаю к съемкам нового фильма, вы мне очень нравитесь, но понимаете, фигура должна быть безупречной, мне необходимо вас осмотреть. Я не могу так просто обещать вам роль. Покажите мне вашу грудь...

* * *

Подвал хрущевки, очень низкий и просторный настолько, что углы тонут где-то во тьме. Под ногами скользкая грязь, бочки и бидоны из-под краски сдвинуты в один угол. Тот же человек, что и в машине, но одетый в спецодежду, аляповато-разноцветную от многих слоев налипшей краски, шпатлевки и извести. Рядом напарник – без штанов, прыгает на одной ноге, старается натянуть рабочие, не наступив босой ногой в грязь.

Молодой человек:

– И вот, представь себе, она расстегивает кофточку и показывает свою грудь. Ну, чем я не режиссер? Ведь поверила, ни на секунду не усомнилась! Ты посмотри на мои руки, кожа нежная, гладкая, ни одного мозоля нет, никто не скажет, что я всю жизнь в малярке.

Напарник:

– Просто идиотка тебе попалась.

Молодой человек:

– Ты меня хочешь обидеть, не веришь, что я умную могу снять. А вчера мне как раз умная и попалась. Спрашивает: а как ваша фа-

милия? Какие фильмы вы снимали? Я начал петлять, юлить, недавно, мол, работаю, не здешний. А она мне фамилии называет, не знаком ли с тем, с этим, короче, ловит меня. Пот прошиб – никого не знаю, еле вывернулся, все в шутку перевел. Ну и что тебе сказать? Трахнул ее в машине, она меня отпускать не хотела. Говорит, что такого мужчину еще не встречала. Вот такой я пацан!

* * *

Женщина-кладовщик отпирает дверь подвала. Возле нее четыре человека в спецодежде.

Женщина:

– Алебастр и краска у меня есть, шпатлевки пока нет, но я на днях привезу, заказала. Мела тоже достаточно. Можете взять новую робу, рукавицы, кисти.

Она открыла, наконец, замок, ищет внутри за дверью выключатель:

– Ну что, Марики, пошли. Только учтите, на складе полно блох. Я вам советую штанины заправить в носки.

Марик:

– Я только один здесь Марик.

Женщина:

– А для меня все маляра Марики!

* * *

Известковая яма на пустыре среди трущобообразных новостроек. Жильцы используют ее для свалки мусора. Маляра – их зовут Марик и Алик – выгребают хлам, чтобы добраться до извести. Приподняв полусгнившую раскладушку, Алик прямо под ногами видит труп большой дворняги. Ему плохо, позывы к рвоте. Он выпрыгивает наружу. Марик, снисходительно улыбаясь, надевает рукавицы, берет собаку за задние ноги и выбрасывает прочь из ямы. Извести очень мало, и мороз ее прихватил. Откалывается маленькими кусочками, крошится в пыль, а лопата все время гнется. Рядом с ямой на тачке стоит большая бочка. Постепенно и мучительно остатки грязной смеси ее заполняют.

Алик толкает тачку, Марик придерживает бочку. Медленно едут по проезжей части дороги, огибая сплошные колдобины. На очередном вираже, пытаясь объехать припаркованный автомобиль, Алик цепляет его бампер тачкой. От рывка бочка сдвинулась, центр тяжести трехколесной тачки сместился, она вздрогнула и сбросила бочку прямо на дорогу. Известь вся рассыпалась.

Другой пустырь, но огороженный металлической сеткой-рабицей, тоже известковая яма, но принадлежащая чужой организации. Сверху яма накрыта обычной дверью, обитой железом, и закрыта на замок. С воровскими ужимками Марик и Алик перепрыгивают через сетку, ломиком срывают замок. Внутри полно извести. Подмерз только верхний слой. Нужно пробить слой мерзлоты, а там дальше, внутри, она как паста – тяжелая и жирная, почти без камней. Быстро накидывают ее в мелкую тару: выварки, старые ведра, кастрюли. Перебрасывают через ограждение и грузят на ту же тачку. Лица у воругов раскраснелись, спины мокрые, азарт легкой добычи движения делает лаконичными, синхронными и точными.

* * *

Пустая комната в детском саду. В углу рояль, накрытый газетами. Играет Осик. Вполне профессионально. А по мнению коллег-маляров, – виртуозно даже. Друзья лежат кто на чем. Умение с комфортом расположиться – предмет особой гордости некоторых. Лежат на досках, на снятых с петель дверях. Марик всегда предпочитает зубоврачебное или гинекологическое кресло, если работа на объекте РСУ Минздрава.

Осик играет что-то из Поля Мориа. Потом еще, еще на бис. Время послеобеденное, сытое и умиротворенное.

Та же комната, туман от пыли из-под шпателей, снимающих набел. Двое на козлах починяют потолок. Осик на полу в старом измятом тазу разводит алебастр. Разводит на троих, но не успевает всем угодить, и они ругают его. Слишком густой, рано застывший раствор счищают на голову Осика. Юра тоже работает «по низам». Тихо ковыряется, заделывает трещины и глубокие борозды-шрамы от старой электропроводки.

Осик рассказывает Юре:

– Скажи, как тебе понравится такой человек. Он мой отец. И он – жирная свинья, поломавшая жизнь мне и моей матери. Скупой тиран, имеющий сорок тысяч на сберкнижке, и при этом – жизнь впроголодь, не во что одеться. Моя мать закончила гидромет, умная и образованная женщина, что он с ней сделал? Она сидит дома с шестью собаками, которых он держит, ходит за ними с тряпкой и веником. Такая картина, к примеру, она стоит и смотрит в окно. Подходит отец, пинает ее ногой в живот и обращается ко мне: «Осик, пойдем, сыграем в шахматы». Мать лежит без сознания. Когда я подросток, то стал защищать ее. Однажды набил ему синяк под глазом. Он ходил и всем его показывал. За всю жизнь он мне не дал и пяти копеек на семечки. Когда я пришел из армии, отец пощупал шинель, осмотрел шапку и сказал: «У тебя отличная шапка, сними кокарду и носи ее». А мать добавила: «И шинель хорошая, только погоны надо срезать». Я следил за ним и однажды обнаружил за сливным бачком две сберкнижки. Он не шутил, когда говорил, что может купить три автомобиля «Волга». Я их бросил, уехал в другой город, где мы прежде жили, и где у нас остались родственники, ради прописки пошел учиться в профтехучилище, потому что он написал всей родне, что я негодяй и аферист. Ни в один дом меня не пустили, и все советовали вернуться домой. А мой младший брат? Ничтожество. Делает вид, что его ничто не касается. Изображает тихую покорность судьбе, надеется вкусить от сбережений жирного скота.

* * *

Трещины ветвятся по стенам, потолку, едва заметные, сходящие на нет и черные, нервно-искривленные, выбирающие путь очень логично (для человека, понимающего внутреннюю конструкцию постройки), возникают на стыках и швах невидимого скелета, скрытого слоем штукатурки и косметикой малярных работ. По ним можно судить о болезни здания. Решать: лечить или не лечить как обреченное. Я понимаю удовольствие хирурга, любопытство его, когда острым концом шпателя, как нарыв, поддеваешь пласт провисшей штукатурки и обрушиваешь на пол.

А затем смачиваешь травмированное место водой, разводишь алебастр и быстро, пока он не застыл, заделываешь рану. Сначала грубо приблизительно, а потом совсем сравниваешь на нет, так, что после побелки и места этого уже не найдешь.

Одна уборщица, для того чтобы поменьше ошметков с потолка сыпалось на пол, принесла мне картонную коробку, и я действительно пытался, чтобы угодить ей, стоя на стремянке, одной рукой ловить в коробку падающую штукатурку. Кое-что поймал. Чуть шею себе не свернул.

* * *

Осик:

– Я закончил музыкальную школу и мечтал продолжать обучение дальше. Подал документы в музыкальное училище. Отец пошел в канцелярию, поднял скандал, забрал мои документы. Я стал студентом строительного техникума. Нас посылали на уборку хлопка, платили неплохо, у всех студентов водились деньги, чтобы отдыхать вместе, развлекаться. Я один не мог присоединиться, потому что все деньги отсылал матери. Меня стали сторониться, а она возмущалась, что я мало заработал. Мать с детства меня презирает. Сколько себя помню, она ругала мою рахитичную фигуру и чрезмерно большую голову. Родился я вопреки ее желанию, все попытки от меня избавиться ни к чему не привели, и я появился на свет. Мать никогда этого не скрывала и всячески подчеркивала мое нежелательное наличие. Отец и его сестра (она жила с нами, ядовитая тварь) были как отдельная каста в доме. Когда она сдохла, я пошел на кладбище на ее могилу и заплевал ее портрет. Я поставил себе задачу: доказать им, что могу жить без них, что достигну успеха и благополучия без их помощи и вопреки всем препятствиям с их стороны. Приехал сюда, никого не знаю, всем чужой. Я начал все с нуля. Спал на пляже до холодов. Затем ПТУ. Они меня с радостью зачислили. Их зарплата зависит от количества учеников. Это была взаимовыгодная сделка, я получил пропуску, а на занятия ходить было необязательно. Никто меня не трогал. Теперь все это позади: общаги и прочее. Я женат, и у меня есть дочь. И все надо начинать сначала, потому что я не-

навижу жену и ее родителей. Они меня надули. Им надо было избавиться от засидевшейся в девках дочери, я подвернулся им под руку. Без жилья и с временной пропиской. Они меня взяли лаской, я раскис и попался на крючок. Как меня ублажали до свадьбы! Я подумал, что мир перевернулся! Впервые в жизни столько внимания. Жена мне нравилась сначала. Но это оказался рекламный образец. Она смотрела за собой, была бодрой, живой. Просила меня: «Осик, сыграйте что-нибудь!». А теперь я слышу каждый вечер: «Как ты мне осточертел со своим Челентано!». Или эта омерзительная фраза: «Возьми себе в холодильнике!». А ее отец знает только два слова: «гносни заразы», да иногда произносит целое предложение: «Когда я сдохну, все будет ваше, а пока живой – я здесь хозяин». Случай дежавю – он же точная копия моего отца.

* * *

Сооружение, точное название которому есть в украинском языке, – льох, погреб, отдельно стоящая постройка во дворе. Глубоко в земле, покрытая дерном, только вход приподнят на высоту человеческого роста. Крутые ступеньки в полутьму. На них рассыпаны тысячи пузырьков аптечных. Битые и целые, закопченные. Хрустят и перекатываются, когда на них наступаешь. И внизу метровым слоем на полу стекло. От края и до края. И следы огня. И запах гари, и чего-то знакомого, медицинского. Некоторые пузырьки стеклянные потекли от высокой температуры, слиплись в причудливые скульптурные комбинации.

Сколько помещений даже в самой захудалой аптеке? Два? Три? Что видит посетитель, когда заходит по необходимости? Зал и нечто непонятное за открытой дверью в глубине просматривается. А там лабиринты больше чем из десятка комнат. И подвалы, заставленные стеллажами.

В какой цвет красить аптеку? Заведующему нравятся очень яркие цвета. Он двадцать или более лет в городе живет, а вырос в селе. Городским нравятся оттенки выцветшего, вылинявшего белья – это благородно и изысканно. Малярам нравятся оттенки остатков от предыдущей покраски (их надо использовать, иначе пропадут, засохнут). Уборщица любит потемнее

и нейтральнее – не так заметна грязь. Большинству наплевать на цвет, их мутит от сильного запаха. Особенно зимой, когда нельзя открыть окна и двери, чтобы как следует проветрить. Маляров тоже мутит, но они привыкли и к самой мути, и к мерзкому ощущению во рту.

Маляр сидит в закутке, заставленном бутылками и разным аптечным хламом, размешивает краску в ведре. Перед ним топчет пожилая женщина в белом застиранном халате:

– Идите ко мне делать ремонт. Мне нравится, как вы делаете. Я уже сыну сказала, а вы не соглашаетесь. Я вам хорошо заплачу. У меня сын инженер, а я провизорша – не какая-нибудь шмырга. Я вас очень прошу, приходите. Я сыну говорю: «Он не хочет к нам, он занят». А сын мне говорит: «Ну, мамочка, ты у меня такая находчивая всю жизнь, придумай что-нибудь, уговори». Я же вижу, вы не ханыга, порядочный человек. У меня есть знакомый маляр в Севастополе, тоже Марик его зовут, Марк Степанович. Он хотел мне сделать ремонт, но ему отрезали обе ноги, такое несчастье. Может, вы все-таки придете? Не передумали?

Маляр красит потолок. Другая женщина стоит возле козла, задрав голову:

– Вот, представьте себе мою комнату: такой где-то длины (показывает руками), вот такой ширины, а здесь окно. И потолок ужасный – весь провис и местами упал – это соседка меня залила, и он намок. А вот отсюда идет трещина, и рядом трещина, и пятно желтое, сколько это будет стоить?

Маляр:

– Да откуда я знаю? Вот так не глядя вам сказать? Это надо потрогать руками.

Женщина:

– Но я же вам рассказываю! Вот так идет трещина, и здесь трещина, рядом пятно, а чуть в стороне – совсем отвалилось!

* * *

Мне нравится вид развалин. Голых, расчлененных, лишенных косметики и совершенно беззащитных. Вот такая некрофилия. Чистишь стены в общежитии и находишь под многими слоями

покраски фрагменты церковных орнаментов. Вся история здания, как перед археологом, открывает свои тайны. Чем белили, в какие годы на какие оттенки мода была. Есть цвета бедности, встречаются и следы ушедшего благополучия. Это очень часто в дореволюционных постройках. Под слоем дешевой покраски можно найти следы дорогих алфрейных работ. Интересно прочитать обрывок газеты, наклеенной сорок лет назад под обои, чтобы скрыть неровности стены. А потом приходится все зашпатлевать, выровнять, покрасить, и только в твоей памяти навсегда отпечатывается, гравировается знание о прошлом. Я не всегда могу вспомнить время и последовательность работ на объектах, но иногда абсолютно отчетливо возникают в голове изображения стен дырявых, с трещинами, как реки на контурных картах, облупившейся побелкой, и не какие-нибудь абстрактные, нет, абсолютно конкретно виденные и неповторимые в другом месте. Ничего более безликого, чем свежотремонтированное помещение, я не встречал. Но ведь жильцам и необходимо получить пространство без биографии и чужих запахов. Особенно без запаха чужой смерти. Хуже всего выглядит квартира после того, как жители затащат в нее все свои жалкие манатки.

* * *

Обеденный перерыв, середина дня, двенадцать часов.

Алик достает бутылку молока и хлеб с колбасой.

Марик достает сверток с едой.

Юра достает сверток с едой.

Осик достает сверток с едой.

Гарик собирается в столовую, ищет кусок газеты или картона. В прошлый раз был скандал с «последним предупреждением» из-за перепачканных спецовками стульев. После маляров, дескать, люди в чистом садятся. Имейте совесть и все такое.

Марик:

– Да не ходи ты в эту забегаловку, желудок испортишь. Садись с нами. Сейчас посмотрим, что мне моя девочка положила. Вот, смотри, огурчики, курочка. На, попробуй и скажи, чем моя Светочка не умница. Юрик, твоей идиотке до нее далеко.

Юра:

– Опять завел свою волынку, не надоело?

Марик:

– Нет, Гарик, не дай соврать, ну кто может с моей Светкой сравниться! Вот, посмотри, что я с собой принес, и что ему любимая всунула? Я б ее прибил за это! Спит она у тебя до обеда, вечно у нее что-то болит – какая-то недоделанная, когда ни зайдешь – все время лежит.

Юра:

– Меня она устраивает, жри и помалкивай.

Марик:

– Я тебе клянусь, меня бы она на руках носила. Я же ей нравлюсь. Помнишь, как она ко мне целоваться полезла, когда я к вам зашел? Она меня хочет, это сто процентов!

Юра:

– Хватит пиздеть, я же твою Светку не трогаю! Заткнись уже.

Марик:

– Хотел бы видеть, как ты ее потрогаешь со своей противной рожей!

Осик:

– А моя ничего не умеет готовить, и ее мать тоже. Кинули кусок мяса в кастрюлю, сварили и вынули. Я на Востоке вырос, привык к вкусной еде. А им все равно что жрать. У тестя свой отдельный холодильник. Он держит в нем деликатесы. Жена и дочь без спроса туда даже заглянуть боятся. Сижу вечером дома, захотелось мне пить, знаю, что у него «Боржомы» в заначке есть, но никто не решается взять.

Марик:

– Моя Светка хозяйка отличная. Я мог жениться на ней, а мог и на другой. Они были обе беременные, срок приблизительно одинаковый, и надо было решать, кому из них делать аборт. Я дал им денег, одинаковую сумму, и попросил накрыть стол – каждую у себя. Мой день рождения, так совпало, что пришелся. И Светка оказалась несравнимо лучше. Вы бы видели, какой белизны пеленки она потом вывешивала на балконе. Все соседи диву давались: как можно так выстирать?

Осик:

– Так какого ты таскаешься с кем попало?

Марик:

– Дело в том, что в постели она никуда не годится. Она этого не любит: там ее не трогай, так ей не нравится.

Осик:

– Моя тоже не сахар, каждый день одно и то же слышу: «Ты уже? Ну, слезай уже!». У нее вообще скудный словарный запас.

Марик:

– А Гарик свою Людку как огня боится, она его и по морде бьет, правда, Гаричек?

Гарик:

– Она ревнивая, ей все время мерещится.

Марик:

– Ну как же, ты у нас образцово-показательный семьянин. Юра, кончай чавкать, вечно ты какие-то звуки издаешь животные.

Юра:

– Мне твои шутки плоские уже остопиздели.

Он встает и собирается начать работу: чистит шпателя, заглядывает в ведро.

Гарик:

– Ты чего вскочил, посиди, покури, на тебе же лица нет.

Юра:

– На часы посмотри, уже два часа идет треп, а потом сам гнать будет, как на пожар.

Гарик:

– Пока бригадир не встал, – можешь сидеть хоть до вечера.

Юра:

– А мне неинтересно просто так сидеть здесь до вечера.

Гарик:

– Позавчера мы в аптеке были без тебя, Марик с Аликом сели играть в «Телефон» после обеда – на этом работа и закончилась.

Алик:

– Да ну его в задницу, Марику лучше сразу проиграть, он же пока не отыграется, – из-за стола встать не даст. А мне, как на зло, камень идет и идет. Я себе говорю: все, сейчас поддамся, и эта мутная дурь прекратится, так нет – везение невероятное!

Марик:

– Вот именно – везение. Играть с умом ты не можешь.

Алик:

– А ты проигрывать научись, старый хрыч, пора уже. Вцепился, как клещ: еще одну партию, еще одну партию. И на что играли, главное: если я проиграю, – то даю трояк, а если он, – везет меня домой.

Марик:

– При чем тут деньги? Это вопрос чести. В конце концов, я ведь отыгрался, доказал, что играть ты не умеешь.

Алик:

– Не умею, не умею, успокойся. Ты бы с Фимой сел играть. С Фимой, который вдвоем с рыжим Петей работает. Он тебя бы на раз вставил.

Марик:

– Петя – это тот, который на квартире у барыги в шкаф с ведром водоземлюшки провалился? Полез на шкаф с ведром краски, а верхняя крышка его не выдержала?

Алик:

– Ну да, все в краске было: полы, полки с книгами, ну, и шмотки в шкафу дорогие ему застирывать пришлось – он с пустым ведром вывалился через дверь шкафа, но себе ничего не сломал.

Гарик:

– Я его тоже знаю, мы с ним на выезде как-то были. Это сексуальный гигант. Клянусь здоровьем своей дочки! Поставь перед ним семь незнакомых разных баб – он мог их всех по очереди трахнуть, а одну два раза подряд – никогда не осилит.

Алик:

– Главный гигант у нас Марик, в этом никто не сомневается, скажи, дорогой, как много вы с Гариком на квартире у Галочки заработали?

Гарик:

– Галочка умница, очень практичная девочка, она мужу за год на мотоцикл заработала, я только не врублюсь, и спросить ее неудобно, в курсе ли муж, чем она на жизнь зарабатывает?

Марик:

– Может, и в курсе, с виду спокойный такой, уравновешенный.

Гарик:

– Марик вчера чуть не попался. Стоит, шпатлюет потолок, и вдруг ему приспичило. Пошел с Галочкой в другую комнату, она ему не успела брюки расстегнуть, как является муж.

Марик:

– По-моему, он ничего не заметил.

Алик:

– И как вы с ней договорились о расчете?

Марик:

– Как всегда, за свои услуги она высчитывает из общей стоимости нашей работы.

Юра:

– У меня такое предчувствие, что при твоей сексуальной активности этот ремонт ей ничего не будет стоить.

* * *

Помещения жилые, подвалы и чердаки живут в моей памяти. Есть один забор, который я штукатурил, а потом белил, мимо которого я часто езжу на автобусе. Уже давно другого цвета (его белят два раза в год: на майские и октябрьские), латаный-перелатаный, местами обвалившийся. Но некоторые свои заплатки я еще узнаю сквозь набел.

Пока замажешь все надписи в парадной, успеваешь проникнуться чужой жизнью. В фантазии формируется образ таинственной девушки, чье имя украшает все стены в округе. Один объясняется ей в любви, – другие, отвергнутые, ругают матом. Парадные десятка домов посвящены директору ближайшей школы. Иногда из любознательности спросишь жильца, высунувшегося из двери, о какой-нибудь настенной знаменитости, – он подарит историю. Лет десять назад весь город украшало имя Будиловской Клары. И версии у интерпретаторов причины такой известности всегда были совсем разными. Самые скучные тексты – декларации-заклинания, состоящие из названий рок-групп. Глубоко и безапелляционно процарапанные, тупые и безнадежные, как крик в пустыне, они встречаются в подвалах и даже на чердаках, предназначенные для чтения, вероятно, крысам и голубям. Закраши-

вать их бессмысленно – авторы все равно возобновят надписи. Писать это им так же необходимо, как животным метить свою территорию, чтобы распознавать своих среди чужих множеств. Но как все культовые занятия, ремесло маляра тоже обладает своим тайным ритуальным смыслом, где значение имеет не результат, а только процесс. И пока этого не поймешь, обречен на унылое, кажущееся бессмысленным повторение однообразных действий.

Люди, которые профессионально занимаются ремонтом, любуясь, неважно, стен ли, часов, или обуви, – понимают и ценят только процесс. У них нет тоскливой беспомощности от жизни среди разрушающихся вещей – непрерывность разрушения дает им гарантию на постоянный кусок хлеба. Я не видел огорчения на лицах маляров, когда спустя год-два они возвращаются делать ремонт в то же самое место и видят, что от их труда уже мало что осталось. Им не жаль своих прошлых усилий – они не борются с разрухой. Это не касается случаев, когда обои отлетели до расчета с хозяином, и потолок валится на голову, до того как успели уйти с объекта. Есть такие учреждения, где ремонт никогда не прекращается. Помещений так много, что пока маленькая бригада доберется до последнего, – первое уже просят освежить.

* * *

Осик:

– Я хочу встать на ноги, хочу быть независимым, иметь престижную профессию. Я уже не могу быть музыкантом – время упущено. Чувствую призвание к торговле, думаю, что мог бы там развернуться. Сейчас поступил на заочное отделение в холодильный институт. Это совсем не то, что мне нужно, но я переведусь, главное сейчас – зацепиться покрепче. Люблю коммерцию, у меня в голове все время прокручиваются торговые комбинации, много идей, совсем не сложные и доступные в реализации. Нужны компаньоны. Малярка мне противна и физически, и морально. Грязь вокруг и люди... Послушай, как они говорят. Им достаточно десяти слов. Мне осточертели их тупые шутки типа: «Не хватит – так останется», – или: «Сядь, покури, на тебе лица нет». Все время следят друг за другом – кто сачкует, – обличают

и придираются. Если у тебя маленький разряд, а работа получается отлично, – никогда не скажут доброго слова, молчат, как в рот воды набрали. Похвалить боятся, чтобы не потребовал прибавки к зарплате. А если у тебя что-то не получилось, так, мелочь какая-нибудь, которая у всех случается: обои слегка отошли или побелка меловая пузырится, – они набрасываются радостно и остервенело. Еще одна хитрость – до некоторых работ человека с маленьким разрядом стараются как можно дольше вообще не допускать. Это дает возможность в случае, если начнет возбужать и настаивать на прибавке денег, всегда заявить ему, что как можно тебя повесить, если, к примеру, ты еще никогда не стелил линолеум? Обрати внимание на Марика. Когда у него назначено свидание или другие дела побочные, как он умеет красиво свалить с работы. Он в этом деле великий актер. Весь день планирует, подгоняет дела таким образом, чтобы ко времени, когда ему нужно уйти, все работы, нуждающиеся в напарнике, типа побелка из пульмана, уже были закончены. А потом он неожиданно вспоминает, что у него встреча с прорабом, и быстро исчезает. А тебе оставляет такие доделки, которые ты никак не можешь бросить и сбежать следом: потому что если сегодня все не загрунтуешь, то завтра нельзя покрасить начисто, и ты сидишь на объекте и час лишний, и полтора. Если с утра его долго не было, а причину серьезную поленился придумать, тогда он обаяние свое включает: улыбка до ушей, всех рад видеть, обниматься лезет и в глаза заглядывает. Ну, а если ты игру не принимаешь, сердисься, – он напускает на себя деловой вид и начинает сходу работой интересоваться, в детали входит. Если не сдержишься и спросишь, где он два часа пропал, – иголки на спине у него сразу дыбом, и все промахи твои в работе припомнит за последние два года, и рот тебе заткнет. На днях пришла моя очередь угощать всю бригаду в «Восточной кухне». К моему второму добавили еще полразряда. Большие для меня деньги. Гнусность обычая в том, что я именно обязан всех накормить цыплятами табака и напоить водкой, накормить до отвала и потратить на это всю месячную прибавку. Никто не спрашивает, хочу ли я поить и кормить их за свой счет. А Марик – тот вообще за гранью каких-либо понятий о приличиях. Пить со всеми не пьет – он же

за рулем, но свою долю на дне бутылки забирает с собой, чтобы выпить дома в одиночестве. Из принципа, потому что стоимость выпитого для него ничтожная.

Меня никто не любит. И сейчас, и раньше, в школе, у меня не было друзей. Я рос в Баку, а евреев там немного. В классе я был один. Помню, идет политинформация, учитель зачитывает сообщение об очередной победе арабов над евреями в Палестине. Весь класс поворачивается ко мне и аплодирует торжествуяще.

С некоторых пор меня начал навещать Гриша. Гриша – наш «висячий», или «мертвая душа» бригады. Ты его еще не видел. Он числится по той конторе, в которой тебя не оформляли. Приходит в день получки, расписывается в кассе и отдает деньги на «хежим» бригадиру, вот и вся его забота. Ему даже процент с висения не нужен, он работает на дому с отцом меховщиком, а эта официальная у нас работа – отмазка от ментов. Неприкаянный он какой-то. Все у него есть: деньги, машину опять поменял. Недавно начал проявлять беспокойство по поводу своей полной некомпетентности в малярке. Вдруг менты прихватят, захотят проэкзаменовать, а он ни в зуб ногой. Пришел на объект, взял интервью, получил устную консультацию, разгорячился и под настроение покрасил радиатор. Гриша приходит ко мне вечерами. Сидит молча. Говорить не о чем. Если у меня нужда ехать куда-нибудь по делу, – он оживает. Рад услужить, и ему все равно, куда ехать. Я вижу, что он одинок, но мне с ним скучно, и он это чувствует. У него, как будто, есть невеста, русская. А отец уперся – подавай ему еврейку, наверное, это его и гнетет. А без отца Гриша шагу ступить не умеет – боится, что пропадет.

* * *

Униформа любая или спецодежда радикально меняет поведение человека. Не нужны предисловия и объяснения: кто вы, за чем явились. Если на вас заляпанная краской роба, вы без стука заходите в кабинет начальника главпочтамта и, не обращая внимания на его посетителей, можете залезть с ногами к нему на стол, плюнуть на стену, чтобы узнать, меловая побелка или известь. Обсуждать с товарищем план работы, игнорируя хозяина. И что

удивительно – он и сам ваше поведение воспринимает как норму. Лебезит и заискивающе интересуется, когда ему выметаться из кабинета.

* * *

Контора. Типичная. Девичник. Гарик расхаживает между письменными столами. Смотрит на потолок, ковыряет ногтем старую краску панелей.

Бухгалтер заискивающе улыбается:

– Мальчики, что, пожитки собирать? Вы уже у нас начинаете? Неужели и в этом сарае будет красота!

Гарик:

– Да, после обеда уже и до вас доберемся, уже можете собираться.

Женщины рады развлечению, суетятся, рассовывают по столам папки, канцелярские мелочи. Дамы посOLIDнее делают вид, что недовольны. Ворчат. Изображают умудренных опытом матрон:

– Ну, сейчас грязищу развезут, за неделю не отмоешься. Столы выносить или сдвинуть можно? А шкафы кто будет таскать? У нас мужчин нету!

Мебель сдвинули, и обнажились углы, в которые давно не ступала нога человеческая, и глаз туда тоже не заглядывал. Тоже человеческий. Пауки и сороконожки не в счет. Мелкий мусор за шкафами, конфетные обертки внутри радиаторов отопления, пара копеек денежной мелочи.

Бухгалтер:

– В какой цвет будете красить?

Гарик:

– А вам в какой хотелось бы?

Кассир:

– Что-нибудь нежно-сиреневое, для глаз приятное.

Бухгалтер:

– Нет, Катя, надо в абрикосовый покрасить – это моя мечта!

Гарик:

– Цвет какого сорта абрикос вы предпочитаете?

Кассир:

– Абрикосовый это абрикосовый, вы над нами насмехаетесь?

Гарик:

– Ладно, будем красить в зеленый.

Бухгалтер:

– Мальчики, вы так не шутите, зачем же нам зеленый, как в уборной?

Гарик:

– А никто и не шутит – нам бочку зеленой, двести литров привезли. А другой не будет, пока эту не выработаем. Можем белил добавить, осветлить.

Кассир:

– Может, в голубенькую покрасите, если сиреневой нет? Мы здесь целый день сидим, глаза устают, а вашу зеленую я в отделе кадров видела – она же болотная!

Гарик:

– Не болотная, а серо-зеленая. Серый цвет сейчас самый изысканный и модный. И практичный, конечно.

Кассир:

– Ты нам не заливай, я сейчас к начальнику пойду и посмотрю, чем у него покрашено!

Гарик:

– А пожалуйста, идите и смотрите, у него то же самое. Краску развели одну на весь этаж. И шефу вашему абсолютно наплевать, какого цвета у него стены.

* * *

Гарик:

– Породы такой или национальности – «маляр» – в природе нет. Никто маляром не рождается. Хотя и встречаются асы своего дела, настолько вросшие в него, что кажется – этот человек родился со шпателем в руках, и мозги его ни для чего другого не приспособлены.

Я случайно в малярку попал. В армии шофером был, тоже нечаянно. Лейтенант оказался евреем. Он только глянул на меня одно мгновение, но так, как только еврей еврею может посмот-

реть в глаза, понял, что я зеленый, ничего не рублю. Спросил, где я хочу служить, и сам же меня в учебку направил, на водителя учиться. Он меня от строевой части спас – это я потом понял, когда уже за руль сел. Там же, в части, духовой оркестр был. Я в музыке дуб полный, но ребята говорят: «Не валяй дурака, барабан ты осилишь». Ходили мы в деревню по свадьбам, и «жмура» приходилось играть. Бывало, конечно, – не там стукнешь, а иногда все перепьются так, что непонятно вообще, что играем.

В малярку пошел на сезон, белить фасады на выезде. Из Белоруссии тогда много народа шабашить в Сибирь ехало. Зимой сидят дома в тепле, каждый по своей специальности, а как солнце чуть пригрело, – берут расчет на работе и айда за Урал. Мне понравилось, втянулся. А теперь, когда двое детей, трудно что-то менять. Чтобы новую профессию освоить, надо иметь большую заначку денег. Пока привыкнешь, приноровишься, в учениках, само собой, дадут побегать – платить сразу никто не спешит.

Вот Алику двадцать три года. У него уже третий разряд, и в месяц, по-бедному, три сотни выходит. А его отец, мастер на заводе, зарабатывает едва двести, а со мной не разговаривает, потому что я сына его с завода сманил. Хотя он сам же меня уговорил взять пацана к себе в бригаду, чтобы тот до армии не шлялся по улице. Нам тогда попалась хорошая шмырганинка на заводе – километры побелки почти без починки, подходит мастер и говорит: «Сыну до армии полгода, может, в учениках у вас перекантуется?». Он хотел после армии взять его на завод. Типа рабочая династия. А Алик через три месяца у нас вышел на разряд, а домой приносил деньги ученические – не стал хвастаться, что больше папы стал зарабатывать, – на гулянки все спускал. Пошел в армию и опять же в стройбат на малярку попал, руку набил, насобачился. Дембельнулся, вернулся домой. Того, кто воли понюхал, заводская проходная, работа от звонка до звонка на одном и том же месте уже не привлекает. Сейчас смешно вспоминать, как папа после первого рабочего дня его в бочке солярки от краски отмывал.

Юра – портной. Техникум заканчивал. Может, хороший портной, может, плохой – не мне судить. Наши жены дружат. Моя попросила: устрой, говорит, в бригаду. Я и взял. Марик с ним работать не любит. Тупым его считает, медлительным, и руки, говорит,

не оттуда растут. А я с ним работаю, привык, приспособился, мне с ним удобно – полно занятий, которые ему в самый раз. Пульман покачать, побелку закалампуцать, песок просеять, раствор развести. На квартиру его одного, конечно, не поставишь, растеряется, засрется. Бойтся сам работать, не любит решать, с какого конца начинать. Потолки ему трудно делать – голова у него болит, ревматизм. На козел лезет – кряхтит, живот ему мешает. Своим небольшим заработком у нас он доволен, две сотни чистыми ему больше нигде не заработать, но в малярке это его потолок – выше второго разряда ему не подняться. Недавно на главпочтамте он упал с пятиметровой стремянки. Я думал, ему хана. А он ничего, оклемался.

Игорь от нас скоро свалит. Он свой разряд перерос, но в нашей бригаде он больше не получит. Если дать ему третий с половиной, то при «хежеме» будет меньше ста рублей на разряд выходить. Бригада должна быть правильно укомплектована: парочка учеников, по второму разряду человека три, один третьеразрядник, ну, и бригадир по пятому работает. Образуется ядро бригады из ветеранов, его основной состав и обновляющаяся часть из молодежи. Если всех держать при себе и платить по пятому разряду, – можно по миру пойти. Молодые, подрастая в ремесле, уходят, ищут себе другую бригаду, где вакансии есть на мастеров. Или собирать вокруг себя бригаду, с нуля. Это для Игоря неплохой выход. Но у него связей с прорабами нет. Поэтому он в бригадире и не рвется. Раньше печником был, а до того – пекарем. У нас в РСУ два прораба, и мы им отстегиваем одну месячную зарплату за свои «мертвые души». Иначе нельзя – им с нами неинтересно без этого. А нам без «висячих» не заработать. Система идиотская: с одной стороны, есть расценки на производство работ, а с другой – потолок в заработной плате. Мы четвером реально можем за месяц выполнить работу восьмерых человек. А чтобы снять эти деньги, приходится оформлять в бригаду и своих жен, и цеховиков, которым нужно где-то числиться официально, – иначе они попадают в разряд тунеядцев. Я имею в виду тех надомников, у которых нет шансов на лицензию по инвалидности. Прикинь, сколько имеют в месяц наши прорабы Сеня и Миша, если у них пять таких бригад, как наша!

Есть люди, особая такая порода, которые чем не займутся – все делают лучше других. Брат мой младший (а нас пятеро братьев) до армии со мной работал и, должен сказать, что на шпатлевке он меня обставлял, и Марика, и всех прочих. Мы были молодые тогда, любили соревнование устроить. Заходим в корпус: окна высотой метра четыре. Каждый берет по окну, и начинаем красить – кто быстрее. Алик тоже быстро красит, но так вокруг насрет, что заказчики просили на покраску его не ставить. В армии брата отравили чечмеки, что он с ними не поделил, – не знаю. Выжил с трудом, сожгли ему пищевод. Дышать краской теперь он не может, так он сапожником стал, и поверь, то, что я здесь имею пятьсот в месяц, – ему на семечки. Сейчас стал брюки шить, взял патент как инвалид. В сезон (весна-лето) каждый день столярник в кармане. Конечно, и отстегивать кому надо приходится. Фининспекторам и всякой швали. На рынке место тоже не бесплатно, но я говорю, что руками он может все...

* * *

Марик:

– Наша работа такая – наперед загадывать нельзя. Можно и заработать, а можно и подзалететь. Тут к гадалке не ходи. Необязательно искать очень дорогой ремонт на хате у частника. Иногда на копеечной побелке складов (если метраж огромный) выручка отличная, и еще апельсины можно вынести в бачке от побелки, слегка мусором их присыпав. Даже аптеку выгодно делать за недорого, но с заведующим подружиться и доставать через него дефицитные лекарства.

Вот однажды делали одному барыге ремонт. Сначала все шло нормально. А когда дело подошло к концу, к расчету, – он начал придирается: и то ему не так, и это не так, как он себе представлял. Вижу, ищет повод для ссоры, чтобы не платить. Выравниваю все, шпатлевку шкурочкой прошел три раза. Обои наклеили – любо-дорого смотреть. Закончили, и он заявляет: «Валите отсюда побыстрее, пока милицию не привел». И свалили – куда денешься? Что мы можем доказать? Все договоренности устные,

на бумаге ничего... С прорабом не поладишь – он на такой объект поставит, что цена за метр двадцать копеек, а сделать быстро невозможно. Однажды загнал на квартиру к своим родителям и платил по госцене, а вылизывать заставил, как на халтуре, – «под яичко». И он еще не самый большой пуриц – над ним еще главный инженер висит, а над тем начальник РСУ. И им всем мы делаем ремонт по госрасценкам. А этот садик детский? Уже год сидим. Метраж – считать нечего. Алик в подвале пятый раз красит. Вода со стен течет, и на валик наматывается плесень и труха. Окон нет, дышать там нечем. Прошлой осенью угорели все в этой норе. Сначала легкий кайф по мозгам ударил, смех разобрал – хохотали, как придурки, а потом живот заболел, и тошнота. Стасик сантехник рассказывал, что однажды ему пришлось откачивать маляра после угара. Я слышал, что решили в подвале строить ложную стену из ДВП. А я им, мудакам, еще полгода назад говорил, что красить там бессмысленно. Сырость вечная. Теперь прораб пришлет Витю поденщика, и тот не спеша будет месяц мудохаться с этой стенкой – он на ставке и спешить ему некуда. А после нам опять придется грунтовать и красить изделие, которое этот алкаш слепит с похмелья. Раньше он стармехом плавал. Списали его, и теперь в РСУ прозябает за червонец в день, но на бухло как раз хватает. В монастыре работали – с завхозом ихним споры: все время хочет цену сбить. Проходил мимо батюшка, прислушался к нашим перебранкам и говорит своему, так величаво: «Заплати мастеровым, сколько они просят!».

Иногда тянет прошвырнуться на халтуру за город. Проветриться. Позвонил нам с Гариком товарищ и говорит, что в Троицком, это километров сто пятьдесят отсюда, нужно покрасить крышу старой мельницы. Его кровельщик не может поехать, заболел, так не возьмемся ли мы. Кровля не наш профиль, но я столько раз видел, как ребята квачом размазывают краску по жести, что решил – мы управимся без проблем. Приехали, у крестьянина переночевали, подышали деревенским воздухом и с утречка полезли на крышу, пока не разогрелась. Закрасили небольшой кусок (скат градусов тридцать без ограждения), перекуриваем. К нам поднялся завхоз и зовет пройти на чердак. Спустились на чердак, и он нам показывает крышу изнутри – она

как Млечный Путь. Как мелкое решето. Солнце попадает в микроскопические дырочки, и на полу они уже увеличиваются до размера пятикопеечных монет. Хозяин требует, чтобы залатали эти отверстия. Мы поднялись наверх, смотрим под ноги – ничего не видно, крыша целая. Догадались: один остался на крыше, а другой изнутри стучит по жести палкой в те места, где светится. Заклеили тряпками, вымоченными в краске, штук двадцать булавочных проколов. Пошли обедать. После обеда поднялись на чердак и обомлели – на окрашенном участке крыша снова вся светится дырочками, только в других местах. До меня дошло: солнце движется и под новым углом высвечивает новые группы. Пошли на крышу, оценили мизерную производительность труда – за полдня покрасили всего ничего, и по-английски, даже не попрощавшись, сели в машину и уехали домой.

* * *

Цех на ювелирной фабрике. Чистенько все выметено: ничего нигде не торчит, не валяется. Станки шлифовальные для камней накрыты бумагой. Алик и Осик починяют стены и потолок для побелки. Осик расширяет трещину, счищает шпателем старую починку, потом алебастром пробует выровнять. Алик презрительно смотрит на его деятельность. Алебастр уже прихватил, застыл буграми.

Алик:

– Осик, замой то, что ты сделал.

Осик:

– Алик, а ты сам чувствуешь, сколько презрения ко мне в этой твоей фразе? Вслушайся: «Замой то, что ты сделал!». Будто я кучу наложил.

Алик:

– А ты и наложил, из алебастра.

Над каждым станком вытяжка вентиляционная из жести. Осик засовывает в одну из них руку по локоть и вынимает целлофановый пакет.

Осик:

– Смотри, что я нашел, мне кажется – это чья-то нычка.

Алик:

– Кидай сюда, сейчас посмотрим, что ювелиры прячут на рабочем месте.

В кулке полно полудрагоценных камней: кусочки бирюзы, кораллы, топазов пару недообработанных, фианиты и невесть что еще, малярам непонятное.

Алик:

– Сразу видно Осик, кто из нас в детстве ел говно. Мне бы даже в голову не пришло руку совать в эту трубу!

Осик:

– Проку от находки никакого. Во-первых, ничего очень ценного тут нет, а во-вторых, как вынести камни через проходную, если даже местные не решились?

Алик:

– Местных шмонают по-настоящему, а я вынесу на раз, если сам ссышь. Заверну в грязную робу и пройду через охрану. Они же уверены, что там, куда нас запустили, ничего взять нельзя. Но я падаю в долю. Заберу себе камешки, которые понравятся, для аквариума.

* * *

Алик:

– Я очень прилично зарабатываю. Грех жаловаться. И одеться нет проблем, и не голодаем с женой (она не работает – нужды в том нет). Но откладывать не получается. Куда-то все уходит. А хочется купить машину. Пусть и не новую. Самый простой способ заработать много сразу – это поехать на халтуру. Куда-нибудь в Сибирь или в Среднюю Азию, на сезон. Гарик с Мариком так и заработали, но их уже ломает ехать в далечину. Возраст. И здешних заработков им хватает. Мне одноклассник предложил поехать неподалеку, в райцентр, поработать годик в кооперативе, который плетет железные сетки-рабицы. Гарик, конечно, злится. А с другой стороны, понимает, что мне это нужно. Вопрос – когда. Не хочется бригаду подводить – просто сорваться и свалить. А если поддаваться на уговоры поработать еще чуть-чуть, – не уедешь вообще, тут работа никогда не кончается.

* * *

Двор детской микологической больницы. Полно детей. Играют веселые. Раскрашены, как персонажи у Анри Матисса: у одного половина лица цвета индиго – у другого в изумрудно-зеленых пятнах. Есть и такие, будто в чернильнице выкупались. Это лечебные мази разноцветные от кожных заболеваний.

Один корпус в ремонте. Возле деревянного сарая на улице обедают сантехники Миша и Стасик.

Стасик:

– Когда не было этих долбанных телевизоров в каждой хате, люди после работы любили посидеть во дворе на воздухе, поговорить за жизнь, в домино поиграть, в конце концов. И в картишки посидеть барбутчики собирались. А мы, пацаны, возле них крутились – интересно же. Иногда до глубокой ночи игра шла. Лампочка над столом, на кону деньги, как говорят в прокуратуре, нажитые не совсем честным трудом. Я однажды, не знаю, что мне в голову стукнуло, наверное, нечистый попутал, вынул из кармана рогатку и стрельнул по лампочке. И попал. Мгновение тишина стояла, все замерли от неожиданности, а потом ссора и жуткая драка до поножовщины. На кону деньжищи собрались огромные, момент, когда надо карты открывать, и тут такое... Два дня я по подвалам от отца прятался – боялся домой идти, думал, убьет.

Посреди двора на нескольких кирпичах стоит бочка со смолой. Под ней разведен огонь. Юра кочегарит. Алик ему жалуется:

– Я опять остался без обеда. Хоть обратно в гастроном возвращайся. На секунду всего зазевался, и Жулька выхватила из рук сверток с колбасой. Вчера я как-то мимо нее проскочил, а сегодня...

Юра:

– Я же тебя учил – просишь в магазине колбасу нарезать, а когда собака выскакивает – бросаешь подальше по кусочку. Пока она найдет, проглотит, – ты уже за дверью.

Стасик:

– Я забыл ей сегодня косточек принести, а у нее щенки, голодная очень, они ее выедают крепко.

Огонь под бочкой усилился, поднялся выше отверстия, и в одно мгновение разогретая смола внутри бочки вспыхнула. Юра

быстро накрыл отверстие куском жести. Огонь без кислорода задохнулся, но все вокруг заволкло черным дымом.

Стасик:

– Юра, кончай это черное дело, сядь, перекуси, дай хоть полчаса посидеть на воздухе с удовольствием. Обед дело святое.

Юра:

– Не могу, сейчас Марик подъедет, будем линолеум стелить. Если смола остынет, – он свой рот на меня откроет.

Стасик:

– Ты и вчера весь день варил, спалил кучу дров, а Марик так и не приехал, может, и сегодня зря доски переводишь?

Юра:

– Я человек маленький. Он мне позвонил вечером домой и велел сегодня прямо с утра варить, я и варю.

Под громкий собачий лай во двор въехали белые «Жигули». Из машины вышел Марик и высокая женщина лет сорока с застывшим на лице выражением полубрезгливости-полудосады. Марик суетится, забегает вперед, что-то доказывает. Эта женщина – прораб. Они зашли внутрь и идут по коридору. Справа и слева пустые больничные палаты. Заходят в первую. Прораб смотрит на побеленные стены, потолок. Заметила на стенах маленькие синие пятнышки.

Марик:

– Они не забеливаются, три раза белил, какая-то химия, все равно проступают.

Прораб молча выходит и продолжает обход. В половине помещений линолеум уже лежит. Она зашла в первую попавшуюся, устала в пол глазами. Линолеум слегка вздут. Потрогала ногой, подняла глаза на Марика. Он, избегая ее взгляда:

Марик:

– Клеили целиком, это кусок деформированный, плохо вылежался.

Женщина нагнулась, подцепила край линолеума пальцами и сильно рванула. Под оторванным листом смола только на стыках.

Прораб:

– Сволочи, обнаглели совсем, все будете переклеивать, суки ленивые! Я вам устрою черные еврейские похороны!

В коридоре свернула, зашла в бытовку. За столиком сидит Витя, разнорабочий из поденщиков, спокойно пьет вино. Витя не успел с ней даже поздороваться, женщина схватила бутылку и вылила вино в раковину, не обратив внимания, что та еще не подсоединена к сливному колену – вино течет на пол.

Витя опешил и шевелит губами:

– Не имеете права, такого права, чтобы выливать, не имеете...

Прораб:

– Ты, блядюга, когда закончишь? А? Я тебя, алкаша, уже месяц держу здесь! Сколько ты с этой стеной ебаться будешь?

Все затихло так же внезапно, как и началось. Хлопнула дверца машины, пыль улеглась, и стало тихо. Собаки попрятались, не вышли провожать.

Миша:

– Как говорил один актер Русского театра, наблюдая ссору двух баб: «Фи, какие женщины грубые!».

Стасик:

– Так он же голубой, этот артист, конечно, ему неприятно, а как ты думаешь, почему Веру прорабшу все боятся? А я тебе отвечу – потому, что она со своими подчиненными не ебется, не дает им, не допускает интима. Есть всего две женщины прораба, так вот ту, другую, все работяги имеют, как хотят, и соответственно, они на ней верхом сидят. Она и твякает на них, а повинования нету.

Вышел во двор Витя. Лицо почти черное от горя. Витя:

– Я этот корпус сам строил. Привезли бутобетон. Я залил фундамент. Если бы я тогда мог знать, что мне придется через десять лет в нем пробивать сквозную дыру, чтобы трубу снаружи завести, я бы черта с два сюда бутобетон заливал!

Стасик:

– Не расстраивайся, тут все через одно место сделано. Без проекта. Электрик уже три раза проводку укладывал, и все по-разному, – творческий процесс. Юра позавчера спросил его: «Можно штробы замазывать?». Тот говорит: «Валяй». Приходит утром – опять вся проводка вырвана с мясом. Оказывается, маэстро забыл одну линию завести. А начальство имеет гнусную привычку приезжать всегда в обед. Не успеешь кусок проглотить, они уже тут как тут. Вера однажды вот так же прилетела

на объект, за столом сидят ветераны: Фима и Славик стекольщики, Гриша облицовщик, плотники, всего человек шесть играют в домино. А под столом девочка без ничего ублажает их по очереди. Вера схватила ее за волосы и голую потащила на улицу. Вернулась – и мужиков по морде бить. Ругалась очень.

Алик и Юра сидят со всеми вместе. Приезд шефины расстроил все планы, чем заняться, сразу не сообразишь. Костер погас. Смола остыла. Дети вокруг резвятся. Бегают между деревьями, прячутся в кустах, роются в куче строительного мусора возле туалета-скворечника. Хотят что-нибудь интересное добыть из свалки, но она очень скудная в смысле отходов. Туалет покосился и вот-вот обрушится, но детей это не пугает – они им почти не пользуются. Большинство писают на его стенки снаружи, выводя сложные узоры мокрым по сухому. Иногда дети подходят к рабочим и рассматривают их в упор, не стесняясь своего любопытства. Тогда Стасик или Миша беззлобно их шугают. За забором трамвайная линия, а дальше – поле. Маленький трактор почти не виден в столбах пыли.

Алик:

– Гарик вчера письмо получил от брата из Калифорнии, тот пишет, что посылку ему послал два месяца назад.

Юра:

– Опять какую-нибудь ерунду пришлет. Они там быстро забывают, в чем здесь нужда есть. И пошлина большая, никакой пользы – одни убытки от посылки.

Стасик:

– Я бы этих, которые родину не любят, к стенке ставил. Учили гадов бесплатно, столько сил государство на них тратит, а они, сволочи, к врагам переметнулись.

Алик:

– Сашке тут ничего не светило. В институт его не приняли из-за пятой графы, а голова у него варила будь здоров! Он за всех своих товарищей сдал вступительные экзамены: брал чужую зачетку и шел к экзаменатору. А под своей еврейской фамилией больше тройка он не получал...

Миша:

– Я тоже один раз в загранке побывал, в сорок пятом.

Стасик:

– Миша как истинно русский человек за границу только на танке.

Миша:

– Нет, я в пехоте служил. Война к концу шла, все как пьяные ходили. Зашли в один дом. Молодуха сидит, и родители ее, видно. Затащили ее в другую комнату, втроем пропустили по кругу. Приходим в себя – что с ней делать? Если она пожалуется, нам всем расстрел на месте по законам военного времени. Завели в погреб, пришлось и стариков прихватить, а там очередь из автомата...

Стасик:

– Миша настоящий военный преступник.

Миша:

– Другой раз, ближе к вечеру, мне и сержанту одному приказали пленных отконвоировать. Человек пятнадцать. До города далековато было, да на ночь глядя идти через лес. Отвели их подальше в поле и из двух стволов по обойме в них выпустили. Я в первом эшелоне был, насмотрелся всякого и сам почудил.

Стасик:

– Миша сейчас притих, а когда в милиции служил, любил бабок на базаре пистолетом попугать. На старости лет из милиции и поперли. Каким человеком надо быть, чтобы даже из ментовки прогнали! Сейчас новую специальность осваивает – учится гайки завинчивать. У нас с ним полная гармония: и я, и он уже лет двадцать без четвертушки водки обедать не садимся. И я эту привычку менять не собираюсь. Конечно, наглеть, как Витька, не надо. Вы молодые, учитесь у нас, берите пример. Умрем – учиться не у кого будет. Выпил стопарик, закусил – и тихонько иди работай.

Все расползлись. Витя подкопался под фундамент и пытается пробить отверстие снаружи здания. Рядом, в пяти шагах, куча извести, побелочная бочка. Юра разводит известь для фасада. Погружает лопату на дно и резко, с разворотом, как веслом, тянет на себя. Известь грязная (песок с камнями), мешать трудно, после каждого рывка образуется воронка и глубокий утробный чавкающий звук. По дну перекатываются булыжники.

Узкий спуск в подвал, ступенек десять. Из двери торчат две ноги. Когда глаза привыкают к темноте, – виден Стасик. Он лежит на земляном полу крохотного сарайчика. Это котельная. Труба, которую он варит, проходит на уровне пола. В черных очках, прижавшись щекой к земле, Стасик пытается подлезть горелкой снизу и никак не может изловчиться: то мешают собственные руки (их негде выпрямить), то затекают ноги, высунутые на ступеньки. Он лежит на ватнике, но ватник уже, как губка, пропитался влагой.

Во дворе суматоха: крики, беготня. Пронеслась машина странной конфигурации. За кабиной водителя, снаружи, сидят два человека с сачками на длинных палках. Машина делает круг по аллеям двора. Перед ней мчится большая дворняга. Стасик, Миша, Витя – все бросили работу и бегут наперерез машине. Собака скалит зубы, вся дрожит, но будучи в шоке, не соображает свернуть в кусты. Алик пугает ее свистом, машет руками. Собака дергается в сторону и выходит из заколдованного круга, скрывается в зарослях. Машина остановилась, собралась толпа. Орут на гицелей, ругают матом. Прижав к груди какой-то сверток, подошла сестра-хозяйка, быстро сунула его в руки собачника, и они тут же сорвались с места – в пыль за ворота. Они уехали, и до всех дошло, что сестра-хозяйка отдала им щенков. Она будку и вызывала.

* * *

Юра:

– Я учился в ПТУ на закройщика. Туда заманивают обещанием широких перспектив. Профессия, конечно, отличная, но найти работу после окончания практически невозможно. Сколько их надо, тех закройщиков? Обычное трудоустройство – конвейер на швейной фабрике. Зарплата мизерная, и с утра до ночи посадят пришивать рукава. Или пуговицы. Для этого и учиться нет необходимости. Можно пойти ишачить на частника, цеховика – на брата Гарика, например. Работа такая же, но платить будет побольше. Но тут есть проблема – я не инвалид. Кто мне даст лицензию? А сидеть ночами после основной работы – сил нету.

* * *

Осик:

– Когда я женился, состояние такое победное было. Наконец доказал им (отцу и матери), что сам могу жить, устраивать судьбу по собственному усмотрению, как сам считаю нужным. Послал им телеграмму, приглашение на свадьбу. Ждал, волновался, как они среагируют. Думал, обрадуются, приедут, и мы помиримся. Все-таки событие в жизни их сына... Даже не поздравили, как будто меня на свете нет. Ну, не выродки они после этого? Я таких, как мои родители, людей в жизни не встречал. А больше всего меня пришибло, что брат мой с ними заодно. Родители жены удивились, конечно. Прошел год – у меня родилась дочь. Я опять телеграмму, думаю, ну, свадьба – ерунда, поженились – разбежались через год, но это же их внучка родилась, неужели этот факт их не проймет? Черта с два – хоть бы звук, хоть бы полслова. Про таких, как я, очень точно говорят: жертва неудавшегося аборта. Я всю жизнь, всякую минуту это чувствую. Я всегда хотел, чтобы мать меня полюбила, у меня к ней смешанное чувство, очевидно, несмотря ни на что, я ее люблю. Иначе как объяснить, что, зная, что они с отцом из себя представляют, вместо того чтобы плюнуть на них и забыть, я все, что ни делаю, хочу видеть их свидетелями. Мне их доброжелательность уже не нужна, просто внимания хочу – даже отрицательного, хочу на зло им все делать. Хочу процветания – чтобы от зависти подошли.

* * *

Кран-вышка рывками с разворотом поднимает маляра, он стоит в люльке, крепко сжав ногами ведро с краской, чтобы не расплескать. Кран поднимается выше, выше, описывает полукруг и останавливается возле верхушки флагштока. Последняя поправка, дрыжок кузнечиковой ноги. Маляр макает кисть в ведро, двумя мазками окрашивает звезду на мачте, и вышка опускает мастера вниз.

* * *

Побелка и покраска туалетов. Новички обижаются, когда их заставляют красить полы вокруг унитазов. Приходится лечь

на пол, скрючившись, просунуть руку за и вслепую закрашивать. Иногда по мокрому, – если трубы подтекают. Красить мокрый кафель совсем не трудно. Нужно терпеливо, долго-нудно втирать краску в мокрое место, и в конце концов, она прилипает, выдавливает воду поверх себя.

Несколько лет ученик качает ручку пульмана, дает давление на удочку с распылителем. Как автомат, часами не разгибая спины. Собственно белит всегда старший по разряду, и со стороны это кажется легкой забавой: води удочкой туда-сюда, следи, чтобы шланг не запутался, и брызгай известью или мелом. Изредка покрикивай – требуй давления. Первый раз доверяют белить в казенном туалете: квадратный метр площади и высота метра два-три – такой колодец. Отойти некуда, известь заливает глаза, рот. Растерялся, передержал на одном месте на секунду, – и лишняя побелка потекла по стенам вниз. Бригадир ругает безруким. При этом никто ничему не учит. Смотри и сам все примечай. Пока приноровишься, какой длины должна быть палка-«щитник», к которой привязана удочка, чтобы не белить над самой головой, а держать в стороне, подальше, извести и наглотаешься, и умоешься ею многократно. Боль в глазах ужасная не на один день. Даже кран подачи побелки перекрывать мгновенно научаешься не сразу.

* * *

Юра толкает тачку. На ней бочонок с известью и пульман. Гарик идет рядом, припудренный побелкой с головы до ног. Аллея между пятиэтажками-хрущевками. Через каждые сто метров люки теплоцентрали. Ломиком открывают крышку, Гарик спускается, как в танк. Внутри негде повернуться: сплошные трубы, обмотанные стекловатой. Вылезает опять наружу. Запускает удочку внутрь. Юра качает. Гарик делает круговые движения. Так, не глядя, вслепую, забеливают люк за люком. Мимо идут люди. Идет офицер с мальчиком лет четырех. Мальчик показывает на Гарика:

– Папа, посмотри, какой некрасивый дядя!

Гарик и Юра остановились возле лоточницы, торгующей соками. Она наливает сок малярам, долго внимательно осматривает стаканы.

Продавщица:

– Сволочь приезжая, накрадут губы – идут сок пить. Наоставляют следов на стаканах, а как их мыть?! Горячей воды у меня нет. Я ж не имею права мыть руками, я ж за деньги держуся! Мне же до стакана доторкнуться нельзя! Шо потом людям говорить?!

Рядом ореховое дерево, на нем, как обезьяны, висят дети.

– Предъявите документы! – два мальчика с автоматами окружили третьего, щуплого и робкого. Он молча предъявляет сорванный с дерева листок.

– Кричи: я протестую, устраивай демонстрацию, сопротивляйся. Кричи: вива Куба!!!

Дальше между домами возле офицерского общежития в кучу свалили списанное обмундирование: добротные еще шинели с генеральскими погонами, бушлаты, кителя. Гарик примеривает шинель полковника, потом фуражку. Завхоз прекращает этот маскарад:

– Не положено, снимайте.

Солдаты поливают вещи бензином и поджигают.

Гарик:

– Жалко шинель, зимой белить парадные тепло и удобно.

* * *

Легенды. Всякой передышке, перерыву в работе они сопутствуют, как сигарета во рту. На любой случай жизни, по самому ничтожному поводу можно услышать «аналогичный случай». Не обросший подробностями, а наоборот, очищенный от лишнего, рафинированный и законченный, как сказка.

Это рассказы о недюжинной силе и выносливости, о невиданно больших заработках в прежние времена, о сексуальных подвигах, о мастерах редкостной умелости, о хороших начальниках и негодях, которые не любят платить за работу. Это о стекольщиках, которые на глазок, без шаблона вырезают идеальную окружность стеклорезом. О малярах-алфрейщиках, ремесло которых вырождается, потому что мода на росписи стен под трафарет уже прошла и, видимо, не возвратится. О приключениях на «шабашке». О спившихся героях, которые на спор поднимали

на третий этаж полную бухту линолеума весом в двести килограмм. Иногда история, случившаяся вчера, сегодня пересказывается как сложившаяся за десятилетия – настолько тщательно рассказчик обработал ее, убрав все случайное и лишнее. И даже свидетели происшествия охотно опускают ненужные подробности, потворствуют рождению байки. Бывает, и сам герой истории участвует в творческом процессе, скромно умалчивая о противоречивых обстоятельствах. Но это в том случае, если ничего унижительного и позорного для персонажа не произошло. Если человек опростоволосился и стал посмешищем – он пытается изменить прошлое, возражая болтунам, но успеха это, как правило, не имеет.

* * *

По двору пионерского лагеря зигзагами бегают Осик. За ним на белых «Жигулях» носится Марик. Сначала похоже на игру. Марик смеется, а Осик, уворачиваясь от машины, натужно притворно улыбается. Потом Осик устал и хочет прекратить дурацкую игру. Марик, наоборот, раззадорился, закусил губу, и на лице появилась азартная безуминка. Алик стал между ними и остановил «игру». Он давно знает Марика и понимает, что тот может войти в неконтролируемый раж.

* * *

Троллейбус, час пик. Юра, стиснутый со всех сторон, ничем не отличается от остальных пассажиров. Люди принимают. Толстая женщина с чуткими ноздрями:

– Откуда это краской так несет, не пойму? Задохнуться можно!

Юра стоит с абсолютно невозмутимым лицом, делает вид, что эта реплика его никак не касается.

* * *

Горят ведра, штук десять. Огонь веселый, разноцветный, вырывается изнутри ведра, как из сопла. Близо не подойдешь. Го-

рит краска. Вернее, ее остатки на дне ведра. И на стенках она нарастает постепенно, изо дня в день. Ведра тяжелеют, становятся неудобными...

Горят ведра – значит, на объекте работы закончены. Из разноцветных они становятся серебристо-черными, седыми. Некоторые погасли, а в других, если пошевелить внутри палкой, огонь опять просыпается. Осталось их только почистить от сажи и пепла. Это последняя точка. Без нее нет ощущения вполне законченного дела.

Одесса, 1987

